

РЕЦЕНЗИИ

И. Н. ХРАПУНОВ

РЕЦ.: Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы степного Крыма. – Симферополь: СОНАТ, 2000. – 117 с.

В рецензируемой монографии В.А.Колотухин опубликовал результаты раскопок 105 подкурганых погребений предскифского и скифского времени. Это больше, чем было раскопано и опубликовано за всю предшествующую историю исследований крымских курганных древностей, если не принимать во внимание Керченский полуостров – регион особый и в географическом, и в этнокультурном отношениях. Введение в научный оборот значительной группы источников является важным событием для исследователей, занимающихся историей Крыма в раннем железном веке.

Курганы, раскопанные руководимой В.А.Колотухиным Северо-Крымской экспедицией, сгруппированы в монографии по районам в соответствии с современным административно-территориальным делением. Экспедиция работала в северном, центральном и западном Крыму (в Красноперекопском, Джанкойском, Нижнегорском, Раздольненском, Черноморском, Первомайском, Красногвардейском, Сакском, Симферопольском районах)¹. Таким образом, вне зоны ее исследований остались предгорный и восточный Крым.

Глава I называется “Каталог погребальных памятников”. В ней содержится подробное описание каждого раскопанного погребения и найденного в нем инвентаря. Текст сопровождается прекрасно выполненными иллюстрациями. По комплексам опубликованы планы и разрезы всех погребальных сооружений и всех обнаруженных вещей. Именно эта часть работы никогда не позволит ей устареть и будет служить прекрасным источником для всех будущих исследователей. Единственно, чего ей, может быть, не хватает – это стратиграфических разрезов курганов, что, впрочем, в значительной мере компенсируется подробным словесным описанием.

В главе II “Погребальные сооружения и обряд. Краткая характеристика инвентаря”, а также в “Заключении” автор анализирует опубликованный выше материал. Несмотря на то, что он называет свои выводы “первичными” и “предварительными” следует отметить их обоснованность и непосредственную связь с источниками. Иногда даже создается впечатление, что В.А.Колотухин, опасаясь перейти зыбкую границу между гипотезой и фантазией, “на полуслове” прерывает свои интересные рассуждения.

Пятнадцать опубликованных погребений относятся к доскифскому времени. Они четко разделяются на две, по очень корректному определению В.А.Колотухина, “обрядовые подгруппы”. Первая отличается скорченным положением на боку и

¹ Погребения эпохи бронзы и позднекочевнические из тех же курганов опубликованы В.А.Колотухиным и Г.Н.Тошевым в другой монографии [1].

восточной ориентировкой погребенных, вторая – вытянутым положением на спине и западной ориентировкой. Они по всем признакам относятся, соответственно, к черноморовскому и новочеркасскому “этапу”, “ступени” или “культуре” населения Восточноевропейских степей предскифского времени. В Крыму классическим черноморовским может считаться погребение у с.Целинное [2; новое исследование изображений на стеле из Целинного с подтверждением ее черноморовской атрибуции см. З, с. 148, 150, 161], а новочеркасским – у с.Зольное [4]. Погребения, исследованные В.А.Колотухиным, сопровождались бедным инвентарем, в основном керамикой, и не могут быть дифференцированы хронологически. Следовательно, их довольно сложно будет привлечь к дискуссии об этнокультурной принадлежности новочеркасских комплексов [5; 6]. Аналогии керамике, обнаруженной в обсуждаемых погребениях, по верному замечанию автора монографии, находятся в кизил-кобинских древностях, но отсутствуют в лесостепных культурах и на территориях, населенных фракийцами. Вероятно, жители гор и предгорий – тавры производили керамическую посуду для степняков-кочевников. Эта тенденция, как будет видно из дальнейшего изложения, заметно усилится в скифское время. Практика приобретения у своих оседлых соседей керамических сосудов, вероятно, была широко распространена у доскифского населения, отождествляемого многими исследователями с киммерийцами. В Приднепровье они получали посуду из лесостепи, а в северо-западном Причерноморье – у фракийцев. В Крыму найдены образцы, имеющие аналогии в протомеотских могильниках Прикубанья [7, с. 91,93].

Важное заключение сделал В.А.Колотухин, сравнивая предскифские и раннескифские рядовые захоронения. По конструкции погребальных сооружений и зафиксированным раскопками элементам обряда они не различимы. Лишь инвентарь, изменяясь во времени, знаменует во второй половине VII в. до н.э. начало скифской эпохи. Отталкиваясь от этого наблюдения, очень заманчиво сделать еще один шаг по пути интерпретации и предположить участие местных северопричерноморских племен в формировании населения скифского времени. Кстати говоря, у с. Григорьевка Северо-Крымская экспедиция раскопала одно из самых ранних в Крыму скифских погребений. Оно, вероятно, синхронно или близко по времени захоронениям, открытым на Темир-горе [8] и у с. Филатовка [9].

В большей части монографии, естественно, в полном соответствии с публикуемыми материалами, речь идет о скифах. Некоторые новые данные подтверждают полученные ранее. Например, значительная часть скифских погребений, открытых Северо-Крымской экспедицией, совершена в ямах различных форм и в каменных ящиках. Катакомбы единичны и все сосредоточены на самом севере полуострова. Последнее обстоятельство связано с проникновением в Крым в IV в. до н.э. немногочисленных групп кочевников с более северных территорий. Отсутствие в Крыму катакомб и широкое распространение каменных гробниц – это основные факты, на которых базируется представление об этническом отличии населения крымских степей от племенных объединений, кочевавших за пределами полуострова. Здесь заметим, что отличия проявились только в IV в. до н.э., когда в восточноевропейских степях широко распространяются катакомбы, а в Крыму – погребальные конструкции из камня. До этого существенной разницы между крымскими и другими северопричерноморскими памятниками не было. В полном соответствии с опубликованными ранее находятся сведения о хронологическом распределении погребений и, следовательно, о динамике численности древнего населения. Захоронения VII – первой половины VI в. до н.э. буквально единичны, во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. их количество значительно возрастает, а в IV в. до н.э. – увеличивается на несколько порядков (так пишет В.А.Колотухин, можно было бы сказать скромнее и точнее – на порядок).

Следует отметить полное отсутствие сарматских погребений. Да и за всю историю исследования крымской степи их открыто менее десятка [10, с. 67-75, 98]. Таким образом, приходится признать, что в сарматское время степной Крым был лишен стабильного населения.

Археологи, исследовавшие крымские курганы, никогда ранее не выделяли, в качестве характерного для скифов, такой тип погребального сооружения, как подбойная могила. В.А.Колотухин это сделал и оказалось, что более четверти могил относятся именно к этому типу.

В верховьях озера Донузлав Северо-Крымская экспедиция раскопала несколько небольших (высотой менее 1 м) курганов, сложенных из камня. Все они разграблены, но по сохранившимся наконечникам стрел датируются IV в. до н. э. Дефиниция "курган" применима к этим конструкциям весьма условно. Они представляют собой каменные ящики или гробницы, обложенные снаружи панцирем из рваного камня. В.А.Колотухин логично связывает появление этих погребений с переселением тавров из горных районов в степь и отмечает, что некоторые курганы или панцири не перекрывали гробницы. Последняя деталь живо напоминает Тавельские курганы, расположенные в предгорьях у подножья Чатыр-Дага. В Тавеле верхние края каменных ящиков (по крайней мере одного из них, данные об остальных не сохранились) возвышались над каменными насыпями. Они содержали многократные погребения и инвентарь, относящийся к позднескифской культуре. Тавельские курганы – один из немногих источников, позволяющих на археологическом материале проследить процесс ассимиляции тавров поздними скифами, что нашло отражение в письменных свидетельствах, зафиксировавших этноним "тавро-скифы" [11, с. 60-63].

Неожиданным можно назвать открытие в степных районах центрального и западного Крыма склепов с многократными погребениями и грунтового могильника IV в. до н.э. К сожалению, В.А.Колотухин пишет: "Полная публикация этих памятников не входит в задачи настоящей работы". Но и из приведенного описания ясно, что речь идет о памятниках осевших на землю скифов. До появления рецензируемой монографии, грунтовые и содержавшие многократные погребения захоронения скифов в столь раннее время в Крыму были известны только на Керченском полуострове, в пределах Боспорского царства. Публикация результатов раскопок этих погребений, по-видимому, позволит вновь вернуться к давно обсуждаемой проблеме о времени, месте и причинах седентерезации основной массы скифов и формирования позднескифской культуры.

Монография В.А.Колотухина дает повод обратиться еще к одному дискуссионному вопросу – о взаимоотношениях скифов и тавров в связи с находками в скифских погребениях кизил-кобинской посуды [см. напр. 12, с. 86, 90-93, 141]. Данные, почерпнутые из рецензируемой монографии и из ранее опубликованных работ, позволяют сделать следующие обобщения. Кизил-кобинская керамика встречается: а) по всему степному Крыму; б) во всех типах погребальных сооружений, кроме катакомб; в) во все время существования скифской кочевнической культуры, ее нет лишь в самых поздних погребениях; г) в могилах, где остальные черты обряда типично скифские; д) и в бедных, где она является единственным видом инвентаря, и в достаточно богатых погребениях.

Кизил-кобинской посуды в скифских погребениях больше, чем прочей лепной. К северу от Крымского полуострова она в небольшом количестве обнаружена в слоях VI в. до н.э. Березани и других поселений ольвийской округи [13, с. 84-86; 14]. В V в. до н.э. и позднее за пределы Крыма кизил-кобинские сосуды не проникают.

Распределение находок показывает, что скифы, жившие в Крыму, выменивали или иным способом получали керамику у тавров. Причем мастерские последних были

основным источником лепной керамики для крымских скифов. Вероятно, возможность получать керамику с врезным орнаментом начиная с V в. до н.э. имели только те племена, которые контактировали с таврами непосредственно. Продуктом межплеменного обмена у скифов она не была и потому за пределы полуострова не попадала.

В скифских погребениях с лощеной керамикой нет никаких иных признаков кизил-кобинской культуры. Следовательно, в этих могилах похоронены скифы, которые получали у тавров керамические сосуды. На основании изучения этих погребений нельзя говорить о существовании “скифо-кизил-кобинского этноса”. Можно лишь констатировать наличие связей, вероятно, выражавшихся в меновой торговле между скифами и таврами.

В этом отношении выделяется один микрорегион. Он включает небольшой, протяженностью не более 10 км, предгорный участок долины реки Салгир, между южной окраиной Симферополя и с. Пионерское [15]. Расположенные там погребения весьма однообразны. Это ямы с каменными перекрытиями, впущенные в очень небольшие курганы. Погребения совершались в вытянутом положении на спине, головами, преимущественно, на запад. В качестве погребального инвентаря использовалась почти исключительно кизил-кобинская керамика. Подчеркнем, в могилах нет не только сосудов других типов, но и каких-либо иных вещей, кроме нескольких наконечников стрел (по одному в погребении) и пряслиц. Гомогенность, территориальная компактность этой группы погребений, сочетание типичных для скифов черт погребальной обрядности с отсутствием вещей скифских типов при наличии приблизительно двух десятков кизил-кобинских сосудов, позволяет предположить следующее. В VI в. до н.э. (так датируются наконечники стрел) по долине Салгира в предгорья продвинулась немногочисленная скифская группировка. В течение непродолжительного времени скифы, в новых экологических условиях и в окружении издавна проживавших в этих местах тавров, утратили некоторые особенности традиционной для них духовной и материальной культуры. Вполне вероятно, что к югу от современного Симферополя происходили межэтнические контакты, приводившие к формированию новых маргинальных групп, в культуре которых сочетались скифские и таврские элементы.

Каменный ящик, впущенный в полу кургана у с. Пионерское, принадлежал, по-видимому, кизил-кобинской культуре [15, с. 83]. В этом убеждают конструкция погребального сооружения, наличие вокруг него кромехов, предполагаемая многократность погребений, сопровождаемых лощеной керамикой с врезным орнаментом и отсутствие вещей скифских типов. Наличие в непосредственной близости от каменного ящика захоронений, совершенных по скифскому обряду и сопровождаемых кизил-кобинской керамикой, подтверждает неизбежность контактов между двумя этносами, столкнувшимися в предгорном Крыму.

Проникновение тавров в скифскую среду документируется, по мнению некоторых исследователей, парным захоронением VI в. до н.э. в кургане 5 у с. Колоски, севернее Евпатории. Там вытянутое на спине мужское захоронение сопровождалось стрелами, а совершенное на левом боку с подогнутыми ногами женское – несколькими украшениями и сосудом кизил-кобинского типа [16, с. 72-73, рис. 2,б; 5,б,в). Возможно, близкое по обряду захоронение было совершено в кургане у с. Белоглинка, находившемся севернее Симферополя, но уверенности в этом нет из-за разрушенности погребения [17].

Таким образом, взаимодействие таврского и скифского этносов весьма слабо отражено в археологическом материале. Во всяком случае очевидно, что наличие одного кизил-кобинского признака, например керамики, не дает оснований для заключения о проникновении тавров в скифскую среду. Так же, как наличие скифских

предметов вооружения в каждом таврском могильнике не означает, что какие-то группы скифов становились горцами. Такого рода находки свидетельствуют лишь о существовании межплеменного обмена необходимыми вещами и о неразвитости керамического производства у кочевников, а оружейного – у тавров.

В заключение следует поблагодарить В.А.Колотухина за весьма оперативную публикацию важнейших материалов и за те аналитические наблюдения, которыми он поделился с читателями. Его книга, конечно, станет настольной для всех исследователей крымских древностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колотухин В.А., Тошев Г.Н. Курганные древности Крыма. III. Запорожье, 2000.
2. Корпусова В.Н., Белозер В.П. Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму // СА. 1980. №3.
3. Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеозоология и палеодемография Евразии. М., 2000.
4. Щепинский А.А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. 1962. Вып.2.
5. Скорый С.А. До питання про "культурну належність" старожитностей типу Новочеркаського кладу 1939 р. // Археологія. 1991. №3.
6. Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции "новочеркасских" погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. Донецк, 1997. №6.
7. Гаврилюк Н.А. Местные и заимствованные компоненты киммерийской культуры (По материалам керамики) // ВДИ. 1999. №1.
8. Яковенко Э.В. Курган на Темир-горе // СА. 1972. №3.
9. Корпусова В.М. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с.Филатовка в Крыму // ВДИ. 1980. №2.
10. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
11. Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995.
12. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991.
13. Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка II // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
14. Соловьев С.Л. Лепная керамика с резным геометрическим орнаментом Березанского поселения // АСГЭ. 1995. Вып.32.
15. Колтухов С.Г. Курганные погребения раннескифского времени в долине Салгира // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 1999.
16. Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. №4.
17. Троицкая Т.Н. Погребение у села Белоглинки // СА. 1957. Т.27.